

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО АБДУЛАЖОН ИСАКОВ против РОССИИ

(Жалоба № 14049/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

8 июля 2010

Данное постановление вступит в силу при обстоятельствах, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может подвергнуться редакционной правке.

По делу Абдулажон Исаков против России,

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Христос Розакис, *Президент,*

Нина Важич,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Гаджиев,

Дин Шпильман,

Сверре Эрик Йебенс, *судьи,*

и Серен Нильсен, *секретарь Секции,*

Проведя закрытые заседания 11 мая и 17 июня 2010 г.,

Вынес следующее постановление, которое было принято в последний из указанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело начато в связи с жалобой (№ 14049/08) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Узбекистана, г-ном Абдулажоном (также пишется Абдуллажон) Исаковым («заявитель»), 21 марта 2008 года.

2. Заявитель был представлен г-жой С. Ганнушкиной и г-жой Е. Рябининой, которым оказывали помощь юристы ЕНРАС/Правозащитного центра «Мемориал», НПО с офисами в Лондоне и Москве. Российское Правительство («Правительство») было представлено г-ном Г.Матюшкиным, Представителем Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей российскими властями с целью дальнейшей экстрадиции в Узбекистан, где ему грозило политически мотивированное преследование местными властями, нарушило его права по Статьям 3, 5 и 13 Конвенции.

4. 10 ноября 2008 года Президент Палаты, в которую было распределено дело, решил, в интересах сторон и надлежащего проведения судопроизводства, указать Правительству России, в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, что заявитель не должен быть экстрадирован в Узбекистан до дальнейшего указания.

5. 1 апреля 2009 года Президент Первой Секции принял решение уведомить Правительство о жалобе. Было также решено рассмотреть дело по существу одновременно с вопросом о его приемлемости (Статья 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1963 году и в настоящий момент содержится под стражей в Тюмени.

7. Факты данного дела, частично оспариваемые сторонами, могут быть изложены следующим образом.

A. Информация, представленная заявителем

1. Предыстория

(a) Общая информация

8. В 1981 году заявитель, который родился и проживал в Узбекистане, получил узбекский паспорт. В 1989 году он переехал из Узбекистана в Россию. С 1989 по 1995 годы заявитель проживал по адресу улица Шишкова, Тюмень, Россия.

9. По-видимому, в июне 1995 года заявитель официально известил власти Узбекистана о том, что он сменил место постоянного проживания с Узбекистана на Россию. С 1995 по 2001 годы заявитель был официально зарегистрирован в Чикче, Тюменской области. С 13 марта 2001 года заявитель был официально зарегистрирован на улице Доронина в Тюмени.

(b) Разбирательства по поводу действительности российского паспорта заявителя

10. В декабре 2000 года заявитель обменял свой паспорт СССР на российский паспорт в ГОМ-6 Управления внутренних дел (УВД) Центрального района Тюмени.

11. 13 июля 2005 года Паспортно-визовая служба Тюменского областного УВД проверила действительность российского паспорта заявителя и установила, что документ был выдан незаконно, что он должен быть изъят как недействительный и что заявитель не являлся гражданином России.

12. 14 марта 2008 года Департамент Федеральной миграционной службы Тюменской области (ФМС) сообщил в Тюменскую областную прокуратуру, что в 2005 году «... выдача паспорта гражданина РФ Исакову А.М. признана необоснованной в связи с тем, что он не является гражданином Российской Федерации ... В связи с тем, что

установить местонахождение гра. Исакова А.М. не представилось возможным, данный паспорт до настоящего времени не изъят ...».

13. 15 августа 2008 года (документ также датирован 15 августа 2005 года) заявитель подал жалобу в Центральный районной суд города Тюмень, в которой просил решение от 13 июля 2005 года отменить как незаконное. Заявитель утверждал, среди прочего, что он являлся гражданином Российской Федерации и что он не был извещен о решении о недействительности его паспорта до судебного слушания, состоявшегося 27 марта 2008 года в Центральном районном суде по делу о его заключении под стражу для целей экстрадиции в Узбекистан (см. часть 3, «*Экстрадиционные процедуры*», ниже).

14. 22 августа 2008 года Центральный районный суд отказал в рассмотрении жалобы заявителя. Заявитель подал кассационную жалобу и 29 сентября 2008 года Тюменский областной суд отменил данное решение и направил его на новое рассмотрение.

15. 15 октября 2008 года Центральный районный суд вновь отказал в рассмотрении жалобы заявителя.

16. Заявитель подал исковое заявление о признании недействительным решения от 13 июля 2005 года. 25 февраля 2009 года Центральный районный суд отказал в удовлетворении заявления, указав, что заявитель не подтвердил, что он законно находился на территории России с 6 февраля 1992, и что в связи с этим он не может являться гражданином Российской Федерации.

17. 20 апреля 2009 года данное решение было оставлено в силе Тюменским областным судом.

2. Производство в Узбекистане

18. 12 июня 1998 года Наманганская областная прокуратура Узбекистана (Наманганская прокуратура) возбудила уголовное дело в отношении заявителя по статье 159 § 4 Уголовного кодекса Узбекистана (заговор с целью захвата власти или свержения конституционного строя Республики Узбекистан). Заявитель был обвинен в «...активном участии в преступной деятельности сторонников экстремистского движения ... путем ведения священной войны «джихад» ... и построения Исламского государства».

19. 29 июня 1998 года заявителю было заочно предъявлено обвинение, он был объявлен в розыск.

20. 20 октября 2003 года Наманганская прокуратура предъявила заявителю дополнительное обвинение по статье 242 Уголовного кодекса Узбекистана (организация преступного сообщества и преступная деятельность). Обвинения заявителю были предъявлены заочно. В решении также указывалось, что заявитель подлежит задержанию и должен оставаться в розыске. Узбекские суды не выносили решений о его задержании.

3. Экстрадиционные процедуры

21. 6 марта 2008 года заявитель был задержан сотрудниками Тюменского главного управления внутренних дел (ГУВД) по неизвестным основаниям.

22. 7 марта 2008 года заявитель был помещен в ФБУ/ИЗ-72/1 (следственный изолятор). Решение о задержании и помещении заявителя под стражу в следственный изолятор не было санкционировано судом.

23. 27 марта 2008 года Центральный районный суд г. Тюмени вынес решение о заключении заявителя под стражу для последующей экстрадиции. В решении не было указано какого-либо срока содержания под стражей.

24. 7 апреля 2008 года Генеральная прокуратура Узбекистана направила в Генеральную прокуратуру Российской Федерации официальный запрос о выдаче заявителя в Узбекистан для уголовного преследования по обвинениям, предъявленным местными властями.

25. 12 августа 2008 года Генеральная прокуратура России вынесла решение об экстрадиции заявителя.

26. 19 августа 2008 года заявитель был извещен о решении об экстрадиции.

27. 25 августа 2008 года (документ был также датирован 25 августа 2006 года) заявитель обжаловал решение об экстрадиции в Тюменский областной суд. Он утверждал, среди прочего, что его разыскивали узбекские власти за предполагаемое совершение политических преступлений и участие в экстремистском религиозном движении. Заявитель отрицал обвинения и утверждал, что российским законодательством предполагаемая религиозная деятельность не была запрещена.

28. 30 сентября 2008 года Тюменский областной суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя, указывая, среди прочего, следующее:

«...в запросе о выдаче Республика Узбекистан гарантирует, что заявитель будет преследоваться только за те преступления, за которые он будет выдан, и после окончания судебного разбирательства и отбытия наказания сможет свободно покинуть территорию Республики Узбекистан и не будет выслан, передан, либо выдан третьему государству без согласия Российской Федерации.

Кроме того, Республика Узбекистан гарантирует, что заявитель не будет подвергаться пыткам и гарантирует защиту его конституционных прав на территории Узбекистана...

...Обстоятельств, препятствующих выдаче заявителя правоохранительным органам Республики Узбекистан, равно как и оснований для отсрочки его выдачи, не имеется...

...из представленных материалов МИД России и Федеральная служба безопасности Российской Федерации сведениями о преследовании правоохранительными органами Узбекистана за политические убеждения заявителя, а также данными, препятствующими его экстрадиции в Республику Узбекистан, не располагают...»

29. 5 октября 2008 заявитель обжаловал данное решение в Верховный Суд Российской Федерации (Верховный Суд). Заявитель указывал, среди прочего, что Тюменский областной суд проигнорировал его доводы о риске жестокого обращения в Узбекистане, что его содержание под стражей с 6 марта по 27 марта 2008 года не было санкционировано судом, что решение суда от 27 марта 2008 года о его заключении под стражу для дальнейшей экстрадиции не содержало каких-либо сроков, что содержание под стражей было чрезмерно длительным и его продления не были санкционированы решениями судов.

30. 10 ноября 2008 года Европейский Суд по правам человека удовлетворил запрос заявителя о применении срочных мер в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда для приостановки его экстрадиции в Узбекистан.

31. 22 декабря 2008 года Верховный Суд оставил в силе решение Тюменского областного суда и решение об экстрадиции. Постановление, среди прочего, ссылалось на предоставленные властями Узбекистана гарантии того, что «...Республика Узбекистан гарантирует, что Исаков А.М. не будет подвергаться пыткам, и гарантирует защиту его конституционных прав на территории Узбекистана». Верховный Суд не исследовал ни одного довода заявителя относительно законности и длительности его содержания под стражей для экстрадиции.

4. Ходатайство заявителя о предоставлении убежища

32. 5 мая 2009 года заявитель подал ходатайство в Управление ФМС по Тюменской области о предоставлении убежища [*статуса беженца – прим. переводчика*], указывая, что решение о его экстрадиции вступило в силу, что власти признали его российское гражданство недействительным и что он подвергался преследованиям в Узбекистане за религиозные убеждения.

33. 10 сентября 2009 года Управление ФМС по Тюменской области сообщило заявителю, что 7 сентября 2009 года в удовлетворении его ходатайства о предоставлении убежища отказано, поскольку оно был мотивировано «...страхом перед законным уголовным преследованием за совершенное преступление».

34. 5 октября 2009 года заявитель обжаловал данное решение в ФМС России.

35. 8 декабря 2009 года ФМС России отказала в удовлетворении жалобы заявителя и оставила в силе решение УФМС по Тюменской области.

36. 21 января 2010 года заявитель обжаловал решение ФМС России в Басманный районный суд Москвы. Решение по делу еще не вынесено.

37. В начале марта 2010 года заявитель подал в УФМС по Тюменской области заявление о предоставлении временного убежища.

38. 17 марта 2010 года УФМС по Тюменской области предоставило заявителю временное убежище в России на один год, указав, среди прочего, что оно предоставлено в связи с рассмотрением дела заявителя Судом.

5. Разбирательство ходатайств заявителя об освобождении

(а) Жалобы заявителя в администрацию ФБУ/ИЗ-72/1

39. 23 июня 2008 года заявитель обжаловал свое содержание под стражей начальнику следственного изолятора и просил об освобождении. Он утверждал, что его содержание под стражей было незаконным, поскольку оно не было ни санкционировано, ни продлено решением суда.

40. 23 или 24 июня 2008 года начальник следственного изолятора отказал в освобождении заявителя и сообщил ему, что в соответствии со Статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса его содержание под стражей для экстрадиции «не может превышать ... 18 месяцев».

(b) Жалобы заявителя в национальные суды

41. 14 марта 2008 года заявитель подал жалобу в Калининский районный суд Тюмени на незаконность его содержания под стражей для экстрадиции и просил его освободить.

42. 27 марта 2008 года Центральный районный суд Тюмени вынес решение о заключении заявителя под стражу для дальнейшей экстрадиции в Узбекистан. В данном решении суд ссылаясь на Статью 466 § 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Уголовно-процессуальный кодекс»). В решении не был указан срок содержания под стражей.

43. 1 апреля 2008 года Калининский районный суд отказал в удовлетворении жалобы, указывая, что содержание заявителя под стражей не противоречило нормам о заключении под стражу (Статья 108 Уголовно-процессуального кодекса) и что оно уже было санкционировано 27 марта 2008 года Центральным районным судом. Заявитель обжаловал данное решение, указывая, среди прочего, что с 6 по 27 марта 2008 он содержался под стражей без решения суда.

44. 6 мая 2008 года (в представленных документах стояла также дата 15 апреля 2008 года) Тюменский областной суд отказал в удовлетворении его кассационной жалобы. Суд не рассмотрел вопрос законности содержания заявителя под стражей с 6 по 27 марта 2008 года; суд отказал по тем же причинам, как и в решении от 1 апреля 2008 года.

45. 28 августа 2008 года заявитель снова подал жалобу в Калининский районный суд на свое незаконное содержания под стражей для экстрадиции. Он подчеркнул, что уже прошло более пяти месяцев с момента его ареста, но срок его содержания под стражей не был продлен национальными судами в нарушение Статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса. Далее заявитель указывал, что его жалоба начальнику следственного изолятора от 23 июня 2008 года была отклонена без надлежащего правового основания, и просил суд отменить решение начальника следственного изолятора.

46. 4 сентября 2008 года Калининский районный суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя, указав, что заявитель должен был обжаловать решение от 23 июня 2008 года в порядке гражданского судопроизводства. В тот же день заявитель обжаловал решение суда в Тюменский областной суд.

47. 30 сентября 2008 года Тюменский областной суд отказал в удовлетворении кассационной жалобы заявителя и оставил в силе решение районного суда.

48. 5 октября 2008 года, обжалуя решение об экстрадиции, заявитель подал в Верховный Суд подробную жалобу на незаконность и длительность его содержания под стражей для экстрадиции (см. параграф 29 выше). В решении от 22 декабря 2008 года Верховный Суд не рассмотрел жалобы заявителя относительно незаконности и длительности его содержания под стражей для экстрадиции (см. параграф 31 выше).

49. 18 ноября 2008 года заявитель вновь подал жалобу в Калининский районный суд, указывая, что в течение более восьми месяцев его содержание под стражей для экстрадиции не продлевалось в судебном порядке.

50. 20 ноября 2008 года Калининский районный суд отказал в рассмотрении жалобы заявителя, отметив, что заявитель не указал, «... проводится ли предварительное расследование по уголовному делу и каким органом в г. Тюмени...».

51. 27 января 2009 заявитель вновь подал жалобу в Калининский районный суд, указывая, что в течение более десяти месяцев его содержание под стражей не продлевалось решениями судов.

52. 6 февраля 2009 районный суд оставил жалобу заявителя без рассмотрения, поскольку он должен был использовать иную

процедуру для обжалования предполагаемого незаконного содержания под стражей.

53. 3 августа 2009 года данное решение было оставлено в силе Тюменским областным судом в надзорной инстанции.

54. 6 сентября 2009 года истек максимальный восемнадцатимесячный срок содержания под стражей, установленный в Статье 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, однако заявитель был оставлен под стражей.

55. 17 декабря 2009 года заявитель вновь подал жалобу в Калининский районный суд на незаконное содержание под стражей для экстрадиции и просил освободить его из-под стражи.

56. 14 января 2010 года районный суд отказал в освобождении заявителя и указал, что его содержание под стражей было обосновано применением срочных мер Судом. Заявитель обжаловал данное решение в Тюменский областной суд.

57. 16 февраля 2010 года Тюменский областной суд указал, что содержание заявителя под стражей превысило максимальный срок содержания под стражей, установленной Уголовно-процессуальным кодексом, и постановил освободить его из-под стражи.

58. 5 марта 2010 года заявитель был освобожден из-под стражи.

В. Информация, представленная Правительством

59. Правительство не согласилось с изложением фактов, представленных заявителем, и, не ссылаясь на какие-либо конкретные документы и/или не представляя их копии, заявило следующее.

60. В соответствии с доводами Правительства, Генеральная прокуратура Узбекистана предоставила Российским властям следующие гарантии: «...заявитель будет преследоваться только за преступления, перечисленные в запросе на экстрадицию; после окончания судебного разбирательства и отбытия наказания он сможет покинуть территорию Узбекистана беспрепятственно. Заявитель не будет выслан либо выдан третьему государству без согласия Российской Федерации».

61. Далее оно утверждало, что санкции за преступления, в которых заявитель обвинялся Узбекскими властями, не предусматривают наказания в виде смертной казни.

62. Генеральная прокуратура Российской Федерации запросила у Министерства иностранных дел и Федеральной службы безопасности Российской Федерации информацию относительно предполагаемого преследования заявителя в Узбекистане. В соответствии с их ответами обстоятельства, препятствующие экстрадиции заявителя в Узбекистан, отсутствовали; информации, подтверждающей, что преследования были политически мотивированы, получено не было.

63. В ходе рассмотрения утверждений заявителя «...российские суды первой и второй инстанций отмечали, что узбекские власти гарантировали, что заявитель не подвергнется незаконному обращению в Узбекистане и что его конституционные права будут уважаться. Кроме того, российские суды отмечали отсутствие в деле какой-либо информации, подтверждающей преследование заявителя правоохранительными органами Узбекистана за его политические убеждения...».

64. Правительство далее утверждало, что «...власти Российской Федерации сообщают [Суду], что содержание заявителя под стражей с 6 по 27 марта 2008 не было основано на решении суда. Однако, заявитель был арестован 6 марта 2008 года и помещен под стражу в СИЗО-1 в Тюмени в качестве лица, которое было объявлено в международный розыск ... в результате решения о его задержании, которое было принято Наманганской прокуратурой 29 июня 1998 года. В соответствии со Статьей 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при получении запроса на экстрадицию и [после] последующих [проведенных] проверок 27 марта 2008 года ... Центральный районный суд Тюмени вынес решение о заключении заявителя под стражу...».

65. 25 марта 2008 года Тюменская областная прокуратура ходатайствовала перед Центральным районным судом о заключении заявителя под стражу для его дальнейшей экстрадиции в Узбекистан.

66. 27 марта 2008 года районный суд удовлетворил ходатайство и принял решение о заключении заявителя под стражу в соответствии со Статьями 97-101, 108 и 466 § 1 Уголовно-процессуального кодекса. Заявителю было сообщено о его праве обжаловать данное решение в Тюменский областной суд. Заявитель реализовал данное право и обжаловал решение о заключении под стражу.

67. 15 апреля 2008 года Тюменский областной суд оставил жалобу заявителя без удовлетворения, а решение о заключении под стражу в силе.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРЕННИЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

A. Содержание под стражей в ожидании экстрадиции и судебный контроль за содержанием под стражей

1. *Российская Конституция*

68. Конституция гарантирует право на свободу (Статья 22):

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

2. *Европейская конвенция об экстрадиции*

69. Статья 16 Европейской конвенции об экстрадиции от 13 декабря 1957 года (СЕТС № 024), участницей которой является Россия, предусматривает следующее:

«1. В безотлагательном случае компетентные органы запрашивающей Стороны могут обратиться с просьбой о предварительном задержании разыскиваемого лица. Компетентные органы запрашиваемой Стороны принимают решение по данному вопросу в соответствии с ее законом.

...

4. Предварительное задержание может быть прекращено, если в течение 18 дней после ареста запрашиваемая Сторона не получила запроса о выдаче и документов, упомянутых в Статье 12. В любом случае этот период не превышает 40 дней с даты такого задержания. Возможность временного освобождения в любое время не исключается, однако запрашиваемая Сторона принимает любые меры, которые она считает необходимыми, для предотвращения побега разыскиваемого лица».

3. *Минская Конвенция 1993 года*

70. В Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская Конвенция 1993 года), участниками которой являются Россия и Узбекистан, предусмотрено, что требование о выдаче должно сопровождаться постановлением о заключении под стражу (Статья 58 § 2).

71. Лицо, выдача которого требуется, может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В таких случаях подается отдельное ходатайство, содержащее ссылку на

постановление о взятии под стражу и указание на то, что требование о выдаче будет представлено дополнительно. Лицо может быть также задержано и без такого ходатайства, если имеются основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны преступление, влекущее выдачу. Другая Договаривающаяся Сторона должна быть немедленно уведомлена о взятии под стражу (Статья 61).

72. Лицо, взятое под стражу согласно Статье 61, должно быть освобождено, если требование о выдаче не будет получено в течение сорока дней со дня взятия под стражу (Статья 62 § 1).

4. Уголовно-процессуальный кодекс

73. Глава 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Меры пресечения») регулирует использование мер пресечения, или превентивных мер (*меры пресечения*), которые, в частности, включают заключение под стражу. Заключение под стражу может быть применено судом по ходатайству следователя или прокурора, если лицо обвиняется в преступлении, наказание за совершение которого предусматривает лишение свободы на срок не менее двух лет, при условии, что не может быть применена менее строгая мера пресечения (Статья 108 § 1 и §3). Срок содержания под стражей при расследовании не может превышать двух месяцев (Статья 109 § 1). Судья может продлить этот срок до шести месяцев (Статья 109 § 2). Дальнейшее продление срока до двенадцати месяцев или, при исключительных обстоятельствах, до восемнадцати месяцев может быть разрешено только в том случае, если лицо обвиняется в тяжких или особо тяжких преступлениях (Статья 109 § 3). Продление срока более чем на восемнадцать месяцев недопустимо, и задержанный должен быть немедленно освобожден (Статья 109 § 4).

74. Глава 16 («Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство») предусматривает судебный контроль за решениями и действиями или бездействием следователя или прокурора, которые могут причинить ущерб конституционным правам или свободам участников уголовного судопроизводства (Статья 125 § 1). Суд рассматривает жалобы в течение пяти дней со дня их получения.

75. Глава 54 («Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора») регулирует процедуру экстрадиции. При получении запроса о выдаче, к которому не прилагается решение о заключении под стражу, выданное иностранным судом, прокурор должен принять решение о относительно применения меры пресечения к лицу, выдача которого запрашивается. Мера должна применяться в соответствии с предусмотренным порядком (Статья 466 § 1). Лицо, которому было предоставлено убежище в Российской Федерации в

связи с возможным политическим преследованием в том государстве, которое запрашивает его выдачу, не может быть выдано этому государству (статья 464 § 1 (2)).

76. Решение о выдаче, принятое Генеральным прокурором может быть обжаловано в суде. Вопросы виновности или невиновности не входят в круг судебного рассмотрения, которое ограничивается лишь оценкой соответствия запроса о выдаче процедуре, установленной в соответствующем международном и национальном законодательстве (Статья 463 §§ 1 и 6).

5. Гражданский процессуальный кодекс

77. Лицо может оспорить в суде решения и действия или бездействие органов государственной власти или должностных лиц, которые нарушают его/ее права и свободы, препятствуют реализации его/ее прав и свобод или незаконно налагают обязанности или привлекают к ответственности (Статьи 254 § 1 и 255). Если суд признает заявление обоснованным, то он должен обязать соответствующие орган государственной власти или должностное лицо устранить нарушение или препятствие к осуществлению указанных прав и свобод (Статья 258 § 1).

6. Судебная практика Конституционного Суда

(а) Определение Конституционного Суда № 292-О от 15 июля 2003 года

78. 15 июля 2003 года Конституционный Суд вынес определение № 292-О по жалобе г-на Худоерова на продление срока его «содержания под стражей в ходе судебного производства» Владимирским областным судом после его истечения. Суд постановил следующее:

«Часть третья статьи 255 УПК Российской Федерации предусматривает, что суд ... по истечении шести месяцев со дня поступления уголовного дела в суд вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей не более чем на три месяца каждый раз, и не включает положений, которые бы предусматривали возможность принятия судом решения о продлении срока содержания обвиняемого под стражей уже после истечения ранее установленного срока и тем самым допускали бы содержание лица под стражей в течение определенного периода времени без судебного решения. Не предусматривается такая возможность и другими нормами уголовно-процессуального законодательства. Более того, часть вторая статьи 10 и часть четвертая статьи 109 УПК Российской Федерации прямо предписывают суду, прокурору, следователю ... немедленно освободить всякого незаконно содержащегося под стражей свыше срока, установленного данным Кодексом. Это вытекает из положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (являющейся в соответствии со статьей 15, часть 4, Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации)...»

(b) Определение Конституционного суда № 101-О от 4 апреля 2006 года

79. Проверяя конституционность Статьи 466 § 1 Уголовно-процессуального кодекса, Конституционный Суд повторил свою постоянную позицию о том, что чрезмерно длительное или произвольное содержание под стражей, не ограниченное по времени, законность которого не проверяется должным образом, противоречит Статье 22 Конституции и Статье 14 § 3 Международного Пакта о гражданских и политических правах по всем делам, включая рассмотрение требования о выдаче.

80. По мнению Конституционного Суда, гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленные в статье 22 и главе 2 Конституции, равно как и правовые нормы Главы 13 УПК РФ о мерах пресечения, были полностью применимы к содержанию под стражей с целью выдачи. Следовательно, статья 466 УПК РФ не позволяет властям применять меру пресечения в виде заключения под стражу без соблюдения порядка, предусмотренного УПК РФ, или с превышением сроков, предусмотренных кодексом.

(c) Определение Конституционного Суда № 158-О от 11 июля 2006 по ходатайству Генерального прокурора о разъяснении

81. Генеральный прокурор ходатайствовал перед Конституционным Судом об официальном разъяснении определения данного суда № 101-О от 4 апреля 2006 года (см. выше) с целью, в частности, выяснить порядок продления срока содержания под стражей с целью выдачи.

82. Конституционный Суд отказал в удовлетворении ходатайства, поскольку в его компетенцию не входит разрешение вопроса о том, какие именно нормы уголовно-процессуального законодательства призваны определять порядок и сроки содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче. Этот вопрос относится к ведению судов общей юрисдикции.

(d) Определение Конституционного Суда № 333-О-П от 1 марта 2007 года

83. В своем определении Конституционный Суд повторил, что Статья 466 УПК РФ не предусматривает того, что содержание под стражей лица на основании запроса о выдаче не должно соответствовать порядку и срокам, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством.

В. Статус беженцев

1. Женевская Конвенция о статусе беженцев 1951 года

84. Статья 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года, которая была ратифицирована Российской Федерацией 2 февраля 1993 года, гласит следующее:

«1. Договаривающиеся государства не будут никоим образом высылать или возвращать (*'refouler'*) беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

2. Это постановление, однако, не может применяться к беженцам, рассматриваемым в силу уважительных причин как угроза безопасности страны, в которой они находятся, или осужденным вошедшим в силу приговором в совершении особенно тяжкого преступления и представляющим общественную угрозу для страны.»

2. Закон о беженцах

85. В Закон о беженцах (Закон № 4528-1 от 19 февраля 1993 года) включено определение термина «беженец», содержащееся в Статье 1 Женевской Конвенции 1951 года, с поправками, внесенными Протоколом 1967 года в отношении статуса беженцев. Закон определяет беженца как лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений (ст. 1 ч. 1 (1)).

86. Закон не применяется к лицу, которое обоснованно считается совершившим преступление против мира, военное преступление, преступление против человечества или тяжкое преступление неполитического характера вне страны убежища до своего приезда в эту страну в качестве лица, ходатайствующего о получении статуса беженца (ст. 2 ч. 1 (1, 2)).

87. Лицо, ходатайствующее о признании беженцем или признанное беженцем, не может быть возвращено в страну, где его жизнь или свобода будут подвергаться опасности по причине его расы,

вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений (ст. 10 ч. 1).

88. Если лицо удовлетворяет критериям, установленным в ст. 1 ч. 1 (1), или если оно не отвечает таким критериям, но не может быть выслано или депортировано из России из гуманных побуждений, ему может быть предоставлено временное убежище (ст. 12 ч. 2). Лицо, получившее временное убежище, не может быть возвращено против его воли на территорию государства своей гражданской принадлежности или своего прежнего обычного местожительства (ст. 12 ч. 4).

С. Соответствующие документы об использовании дипломатических гарантий и ситуации в Узбекистане

89. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 62/148 от 18 декабря 2007 года «Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания» (UN Doc.:A/RES/62/148) говорится:

«Генеральная Ассамблея...

12. *настоятельно призывает* государства не высылать, не возвращать (“refouler”), не выдавать или любым иным образом не передавать какое-либо лицо другому государству, если существуют веские основания полагать, что этому лицу угрожала бы опасность подвергнуться пыткам, и признает, что наличие дипломатических заверений не освобождает государства от их обязательств по международному праву, касающемуся прав человека, международному гуманитарному и беженскому праву, в частности обязательств соблюдать принцип отказа от принудительного возвращения...»

90. В своем промежуточном докладе, представленном в соответствии с резолюцией Ассамблеи 59/182 (UN Doc.: A/60/316, 30 августа 2005 года), Специальный докладчик Комиссии по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, Манфред Новак, пришел к следующим выводам:

«51. По мнению Специального докладчика, дипломатические заверения являются ненадежным и неэффективным средством защиты от пыток и дурного обращения: такие заверения обычно запрашиваются у государств, где систематически практикуются пытки; механизмы отслеживания судьбы возвращенных лиц не показали себя как гарантия от пыток; дипломатические заверения не имеют юридически обязывающего характера, в связи с чем они не имеют каких-либо правовых последствий, а их несоблюдение не влечет за собой никакой ответственности; лицу, которое призваны защитить заверения, некуда обратиться, если эти заверения не будут соблюдены. Поэтому Специальный докладчик придерживается той точки зрения, что государствам нельзя прибегать к дипломатическим заверениям как к гарантии от пыток и дурного обращения, если существуют серьезные основания полагать, что по

возвращении человеку может угрожать применение пыток или жестокое обращение.

52. Специальный докладчик призывает правительства скрупулезно соблюдать принцип невыдворения и не высылать никаких лиц в те пределы или территории, где им могут угрожать нарушения прав человека, независимо от того, получили ли эти лица официальное признание в качестве беженцев».

91. Особо останавливаясь на ситуации с пытками в Узбекистане, применении пыток после дипломатических гарантий со стороны узбекских властей, Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках заявил на 2-й Сессии Совета ООН по правам человека 20 сентября 2006 года следующее:

«Применение пыток в Узбекистане носит систематический характер, как указывается в отчете о поездке в страну в 2002 году моего предшественника Тео ван Бовена. В подтверждение этих заключений мой офис продолжает получать тревожные сообщения о применении пыток узбекскими сотрудниками правоохранительных органов... Более того, в отношении событий мая 2005 года в Андижане Верховный Комиссар ООН по правам человека сообщал, что существуют весомые, существенные и убедительные доказательства совершения там грубых нарушений прав человека представителями узбекских вооруженных сил и сил безопасности. Тот факт, что Правительство отказалось от международного расследования Андижанских событий и независимого анализа связанных с ними разбирательств, а также что не существует международно-принятого отчета о событиях, вызывает глубокую озабоченность. Перед лицом таких значительных, серьезных и убедительных доказательств систематических пыток, применяемых сотрудниками правоохранительных органов в Узбекистане, я продолжу призывать Правительства воздержаться от передачи лиц в Узбекистан. Запрет пыток является абсолютным, и государства рискуют нарушить данный запрет – свои обязательства по международному праву – передавая лиц в страны, где они рискуют подвергнуться пыткам. Я повторяю, что дипломатические заверения не являются юридически обязательными, низводят существующие обязательства государств по запрещению пыток, являются неэффективными и ненадежными в обеспечении защиты прав возвращенных людей и поэтому не должны использоваться Государствами».

92. Далее, говоря о ситуации с пытками в Узбекистане, Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках заявил на 3-й Сессии Совета ООН по правам человека 18 сентября 2008 года:

«741. Специальный докладчик ... подчеркнул, что он продолжает получать серьезные заявления о пытках со стороны представителей правоохранительных органов в Узбекистане...

743. Более того, в отношении событий мая 2005 года в Андижане Верховный Комиссар ООН по правам человека сообщал, что существуют весомые, существенные и убедительные доказательства совершения там грубых нарушений прав человека представителями узбекских вооруженных сил и сил безопасности. Тот факт, что Правительство отказалось от международного расследования Андижанских событий и независимого тщательного исследования относящихся к ним процессов, а также что не существует

международно-принятого отчета о событиях, вызывает глубокую озабоченность. Тем более учитывая, что в настоящий момент не ведется независимого мониторинга прав человека.

744. В свете вышесказанного существует мало доказательств, в том числе и от Правительства, которые могли бы рассеять опасения или как-то иначе убедить Специального докладчика, что ситуация с применением пыток значительным образом улучшилась с момента прошлой поездки в 2002 году...»

93. Комментарии Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев о дипломатических заверениях и международной защите беженцев, опубликованные 10 августа 2006 года, гласят:

22. В целом оценка пригодности дипломатических заверений является сравнительно однозначной, когда они предназначены гарантировать, что рассматриваемые лица не подвергнутся смертной казни или риску определенных нарушений права на справедливое судебное разбирательство вследствие экстрадиции. В таких случаях запрашиваемое лицо переводится в условия формального процесса, и можно контролировать соблюдение предоставленных гарантий со стороны ходатайствующего Государства. Несмотря на отсутствие эффективных средств правовой защиты для запрашиваемого государства или возвращаемого лица, несоблюдение гарантий может быть легко выявлено и должно быть принято во внимание при оценке надежности таких гарантий в отношении будущих дел.

23. Ситуация отличается, если указанное лицо рискует быть подвергнутым пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения в принимающем Государстве после перемещения. Было отмечено, что «в отличие от заверений о неприменении смертной казни или судебного разбирательства военным судом, которые легко поддаются проверке, гарантии против пыток и других злоупотреблений требуют постоянной бдительности со стороны компетентных и независимых специалистов». Верховный суд Канады рассматривал данный вопрос в своем решении по делу Суреш против Канады (Министр по вопросам гражданства и иммиграции), сопоставляя заверения в тех делах, где присутствовал риск применения пыток, с теми, где высланному лицу грозил смертный приговор, сообщая о

‘...сложно чрезмерно доверять заверениям государства о том, что оно будет воздерживаться от применения пыток в будущем, когда оно уже применяло незаконные пытки или позволяло другим делать это на своей территории в прошлом. Эта сложность становится особенно острой в тех случаях, когда пытки причиняются не только в сговоре, но также и в силу бессилия государства регулировать поведение своих должностных лиц. Таким образом, необходимо проводить различие между заверениями в отношении смертной казни и заверениями в отношении пыток. Первые легче контролируемы и в целом заслуживают большего доверия, чем последние’.

24. В своем докладе перед Генеральной Ассамблеей ООН 1 сентября 2004 года Специальный докладчик Комиссии ООН по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения или наказания исследовал вопрос о дипломатических

заверениях в свете обязательства отказа от принудительного возвращения, которое характеризуется абсолютным и неумалимым запрещением пыток и других форм жестокого обращения. Отметив, что при определении того, имеются ли веские основания полагать, что человеку будет угрожать опасность подвергнуться пыткам, необходимо принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, Специальный докладчик далее высказал мнение о том, что:

‘при обстоятельствах, когда существует закономерность грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, или систематического применения пыток, принцип невыдворения должен строго соблюдаться, а дипломатические заверения не должны применяться’».

94. Государственный департамент Соединенных Штатов, Отчет о правах человека в странах мира за 2009 год – Узбекистан, 11 марта 2010 года.

«С. Пытки и иное жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание

Хотя конституция и закон запрещают подобные методы, сотрудники правоохранительных органов и сил безопасности регулярно избивают и иным образом жестоко обращаются с задержанными с целью получения признаний или обличительной информации. Пытки и насилие стали повседневными в тюрьмах, следственных изоляторах и местных полицейских участках и участках сил безопасности. Заключенных подвергали воздействию предельных температур. Наблюдатели сообщали о нескольких случаях медицинских злоупотреблений и одном известном случае применения принудительного психиатрического лечения...

По сообщениям, власти обращались с лицами, подозреваемыми в чрезмерных исламистских политических симпатиях, особенно во время досудебного заключения, с предполагаемыми членами запрещенных экстремистских политических организаций Хизб ут-Тахрир (ХТ) или Нур, более жестоко, чем с обычными преступниками. Местные правозащитники сообщали, что обычным преступникам власти часто платили или иным образом провоцировали на избивание подозреваемых в экстремизме или иных лиц, противостоящих правительству. Двое правозащитников, которые были арестованы, сообщали об избиваниях в следственном изоляторе.

Были сообщения о политически мотивированных медицинских злоупотреблениях. Жертвы могли ходатайствовать через защитников о рассмотрении их дел экспертными медицинскими консилиумами. На практике, однако, такие органы в основном поддерживали решения правоохранительных органов...

Условия в тюрьмах и следственных изоляторах

Условия в тюрьмах остались плачевными и в некоторых случаях угрожающими жизни. Продолжали поступать сообщения о серьезных злоупотреблениях, перенаселенности и нехватке еды и лекарств. Туберкулез и гепатит свирепствуют в тюрьмах, делая даже короткие периоды заключения под стражу потенциально опасными для жизни. Члены семей заключенных

часто сообщали, что сотрудники тюрем крали еду и лекарства, предназначенные заключенным.

Были сообщения о том, что власти не освобождали заключенных из-под стражи, особенно осужденных за религиозный экстремизм, после окончания срока их заключения. Вместо этого начальство тюрем применяло ухищрения, чтобы продлить срок их заключения, обвиняя их в дополнительных преступлениях или заявляя, что заключенные представляют постоянную опасность для общества. Эти обвинения не рассматривались в судах.

95. Европейский Комитет по предотвращению пыток (КПП) в своем 15-ом Общем Докладе о деятельности от 22 сентября 2005 года, охватывающем период с 1 августа 2004 года по 31 июля 2005 года, выразил озабоченность по поводу использования дипломатических заверений в свете абсолютного запрещения пыток:

«38. В предисловии было упомянуто потенциальное противоречие между обязанностью государства защищать своих граждан от террористических актов и необходимостью соблюдать основополагающие ценности. Это хорошо иллюстрируется ныне существующим расхождением во мнениях относительно использования «дипломатических гарантий» в контексте процедуры депортации. Запрещение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения включает в себя и обязательство не отправлять человека в страну, где существуют серьезные основания полагать, что ему или ей грозит реальная опасность подвергнуться таким методам. Для того чтобы избежать подобного риска в определенных случаях некоторые Государства избрали путь получения гарантий от страны назначения в том, что соответствующий человек не будет подвергаться жестокому обращению. Такая практика далеко не новая, но в последние годы попала в центр внимания, так как Государства все чаще стремятся отослать со своих территорий тех лиц, которые, как считается, угрожают национальной безопасности. Растут опасения того, что использование дипломатических гарантий является, по сути, средством обойти запрет на применение пыток и жестокого обращения.

39. Стремление к получению дипломатических заверений со стороны стран с плохими общими показателями по применению пыток и жестокого обращения вызывает особое беспокойство. Из этих данных необязательно следует, что тот человек, в отношении которого предполагается депортация, лично подвергается реальной опасности жестокого обращения в соответствующей стране; необходимо учитывать конкретные обстоятельства при проведении такой оценки. Однако если на самом деле существует риск жестокого обращения, то могут ли дипломатические заверения, полученные от властей страны, где пытки и жестокое обращение постоянно широко практикуются, являться достаточной защитой против подобной опасности? С некоторой уверенностью можно заранее предположить, что даже если эти власти на самом деле эффективно контролируют учреждения, в которых предположительно будет содержаться под арестом соответствующий человек (что не всегда происходит в реальности), нет никаких гарантий того, что данные заверения будут соблюдаться на практике. Если эти страны не соблюдают свои обязательства в рамках ратифицированных ими международных договоров по защите прав человека, то резонно задать вопрос,

как можно быть уверенными, что они будут соблюдать гарантии, предоставленные на двусторонней основе в каком-то конкретном случае?

40. В ответ на это был выдвинут аргумент, что можно разработать механизмы мониторинга обращения с депортированным лицом после его возвращения в случае его/ее задержания. Несмотря на то, что КПП сохраняет непредвзятую позицию по данному вопросу, он все еще не увидел убедительных предложений по эффективным и практичным механизмам такого рода. Для того, чтобы быть эффективным, такой механизм должен, безусловно, включать некоторые основные гарантии, в том числе право на посещение соответствующего лица независимыми и достаточно квалифицированными специалистами в любое время и без предварительного уведомления, а также право на беседу с ним при закрытых дверях в том месте, которое они выберут. Такой механизм также должен предлагать способы незамедлительного действия по защите, в случае выяснения того, что предоставленные гарантии не соблюдаются».

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Представления сторон

96. Правительство утверждало, что жалоба должна быть признана неприемлемой ввиду несоответствия принципу *ratione personae*. Оно заявляло, что заявитель не был экстрадирован российскими властями в Узбекистан, данная мера не была к нему применена, его экстрадиция была приостановлена, и поэтому он не может считаться жертвой нарушения Статьи 3.

97. Заявитель оспаривал данное возражение и заявлял, что существовал большой риск применения к нему жестокого обращения в случае экстрадиции в Узбекистан, что решению об экстрадиции была придана законная сила российскими властями и что его экстрадиция была приостановлена только в связи с применением срочных мер Судом.

B. Оценка Суда

98. Суд повторяет, что индивид не может более считаться жертвой нарушения Конвенции, если национальные власти признают, прямо

либо по существу, нарушение Конвенции и предоставят возмещение вреда (см. среди множества прецедентов *Ашур против Франции* (реш.), № 67335/01, 11 марта 2004, в котором власти отменили решение о высылке в отношении заявителя, и *Амур против Франции*, 25 июня 1996, § 36, *Отчеты о постановлениях и решениях 1996-III*).

99. Что касается особой категории дел, затрагивающих меры по высылке, Суд постоянно постановлял, что заявитель не может считаться «жертвой» меры, которую невозможно исполнить (см. дела *Виджаянатан и Пуспараджа против Франции*, § 46, 27 августа 1992, Series A no. 241-B; см. также *Пэламби против Франции* (реш.), № 65730/01, 18 января 2005, и *Этанжи против Франции* (реш.), № 60411/00, 1 марта 2005). Он принял такой же подход в делах, где исполнение решение о депортации или экстрадиции было остановлено на неопределенный срок или иным образом лишено юридической силы, и где любое решение властей продолжить депортацию могло быть обжаловано в компетентный суд (см. дело *Калантари против Германии* (прекращение производства), № 51342/99, §§ 55-56, ECHR 2001-X, и *Мехеми против Франции* (№ 2), № 53470/99, § 54, ECHR 2003-IV; см. также *Шамаев и другие против Грузии и России*, № 36378/02, § 355, ECHR 2005-III; *Андрич против Швеции* (реш.), № 45917/99, 23 февраля 1999; *Бенамар и другие против Франции* (реш.), № 42216/98, 14 ноября 2000; и *Джемаилджи против Швейцарии* (реш.), № 13531/03, 18 января 2005).

100. Данная жалоба касается экстрадиции заявителя в Узбекистан, где, по его заявлениям, ему грозит серьезная опасность подвергнуться жестокому обращению со стороны властей в связи с его политическими и религиозными убеждениями. Суд отмечает, во-первых, что решению об экстрадиции заявителя была придана законная сила российскими властями в декабре 2008 года; а во-вторых, что решение не экстрадировать заявителя до дальнейшего уведомления Европейским Судом было принято российскими властями в ноябре 2008 года только в связи с применением Правила 39 Регламента Суда. Очевидно, тот факт, что заявитель не был передан узбекским властям, не представлял собой признания, явного или косвенного, со стороны российских властей, что было или могло быть нарушение Статьи 3 или что решение об экстрадиции заявителя было лишено юридической силы.

101. В данных обстоятельствах Суд считает, что заявитель может считаться «жертвой» с точки зрения Статьи 34 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

102. Заявитель жаловался, что его экстрадиция в Узбекистан подвергнет его реальному риску пыток и жестокого обращения, запрещенного Статьей 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон

103. Правительство заявляло, что утверждения заявителя о политически мотивированных преследованиях проверялись российскими судами при рассмотрении жалоб на решение об экстрадиции и были отвергнуты как необоснованные. Российские суды руководствовались заявлением Генеральной прокуратуры Узбекистана о том, что в случае экстрадиции в Узбекистан для заявителя не будет никакой опасности жестокого обращения. Ссылаясь на гарантии узбекских властей, Правительство утверждало, что заявитель не будет подвергнут жестокому обращению, нарушающему Статью 3 Конвенции.

104. Заявитель продолжал настаивать, что в российских судах он заявлял, что для него существует реальный риск жестокого обращения и политического преследования в Узбекистане. Он представил отчеты органов ООН и международных НПО по Узбекистану, которые подтверждали, что пытки широко распространены в местах содержания под стражей, и эта информация не была должным образом оценена российскими властями. Он отметил, что суды отвергали его доводы без какой-либо мотивировки, кроме ссылок на гарантии, предоставленные узбекскими властями. Наконец, он ссылался на ряд дел, уже рассмотренных Судом, в которых было установлено, что экстрадиция в Узбекистан лица, разыскиваемого за политические преступления, представляет собой нарушение Статьи 3.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

105. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в понимании Статьи 35 § 3 Конвенции. Он далее отмечает, что она не является неприемлемой ни по каким основаниям. В силу этого она должна быть признана приемлемой.

2. *Существо дела*

106. Для обзора соответствующих основных принципов, разработанных в прецедентном праве Суда, см. дело *Маматкулов и Аскарлов против Турции* [БП], №№ 46827/99 и 46951/99, §§ 66-70, ECHR 2005-I.

107. Из материалов, представленных сторонами, следует, что заявитель был арестован в России и впоследствии заключен под стражу по запросу узбекских властей, которые подозревали его в совершении нескольких преступлений, включая попытку свержения Конституционного порядка и участие в экстремистской организации. Российские власти инициировали процедуру экстрадиции в отношении него. В ходе данной процедуры заявитель утверждал, что его экстрадиция в Узбекистан подвергнет его опасности жестокого обращения. Он также подал ходатайство о предоставлении статуса беженца, повторяя свои доводы о страхе пыток и преследования по политическим мотивам. Он подтверждал свои утверждения отчетами, подготовленными органами ООН и международными НПО, описывавшими жестокое обращение с заключенными в Узбекистане. Российские власти отказали в удовлетворении его ходатайства о предоставлении статуса беженца и вынесли решение о его экстрадиции в Узбекистан.

108. Задача Суда состоит в том, чтобы установить, существует ли реальный риск жестокого обращения в случае экстрадиции заявителя в Узбекистан. Поскольку он еще не был экстрадирован благодаря применению Судом срочных мер по Правилу 39 Регламента Суда, имеющей значение датой для оценки этого риска является дата рассмотрения дела Судом. Таким образом, хотя историческая позиция представляет интерес, так как она позволяет пролить свет на текущую ситуацию и ее возможное развитие, решающими являются ныне существующие условия (см. дело *Чахал против Соединенного Королевства*, 15 ноября 1996, § 86, *Отчеты* 1996-V).

109. Что касается утверждений заявителя о том, что заключенные подвергаются жестокому обращению в Узбекистане, Суд недавно подтверждал, что данная проблема общего характера все еще продолжает существовать в этой стране (см., например, дела *Исмоилов и другие против России*, № 2947/06, §§ 120-121, 24 апреля 2008, и *Муминов против России*, № 42502/06, §§ 93-96, 11 декабря 2008). Никаких конкретных свидетельств не было представлено, чтобы продемонстрировать какие-либо существенные улучшения в этой области в Узбекистане за последние несколько лет. Учитывая данные обстоятельства, Суд считает, что жестокое обращение с заключенными представляет собой повсеместную и устойчивую проблему в Узбекистане.

110. Что касается персональной ситуации заявителя, Суд отмечает, что ему были предъявлены обвинения в политически мотивированных преступлениях. Учитывая, что в отношении заявителя было вынесено постановление о заключении под стражу, весьма вероятно, что он будет помещен под стражу непосредственно после экстрадиции и, в силу этого подвергнется серьезному риску жестокого обращения.

111. Что касается аргументов Правительства о том, что от узбекских властей были получены гарантии, то, во-первых, Правительство не представило копий никаких дипломатических гарантий, указывающих, что заявитель не будет подвергнут пыткам или жестокому обращению. Во-вторых, Суд уже предостерегал от доверия дипломатическим гарантиям против пыток, исходящим от страны, где пытки распространены или постоянно применяются (см. дела *Чахал*, цитированное ранее, и *Саади против Италии* [БП], № 37201/06, §§ 147-148, ECHR 2008). Учитывая, что практика применения пыток в Узбекистане описывается признанными международными экспертами как систематическая (см. параграфы 91, 92, и 94 выше), Суд не убежден, что заверения узбекских властей представляют собой надежную гарантию от риска жестокого обращения.

112. Соответственно, насильственное возвращение заявителя в Узбекистан приведет к нарушению Статьи 3, так как там он подвергнется серьезному риску пыток или бесчеловечного либо унижающего достоинство обращения.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 §§ 1 И 4 КОНВЕНЦИИ

113. В жалобе по Статье 5 § 1 Конвенции заявитель указал, что его содержание под стражей с целью экстрадиции с 6 по 27 марта 2008 года было незаконным, так как оно не было основано на решении суда, и что решение суда о заключении под стражу от 27 марта 2008 года не устанавливало каких-либо сроков содержания по стражей в нарушение соответствующих положений национального законодательства. Относимые части Статьи 5 § 1 гласят:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не должен быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в соответствии с процедурой, предписанной законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче».

114. Он также указал в жалобе по Статье 5 § 4 Конвенции, что национальные суды не рассматривали законность содержания его под стражей с целью экстрадиции. Статья 5 § 4 Конвенции гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет [право на безотлагательное рассмотрение](#) судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Доводы сторон

115. Правительство настаивало на том, что содержание заявителя под стражей с 6 по 27 марта 2008 года было законным, так как оно было основано на решении Наманганской прокуратуры от 29 июня 1998 года. Оно утверждало, что содержание под стражей с 27 марта 2008 года было санкционировано национальным судом и полностью соответствовало положениям Статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса, и что длительность содержания под стражей была обусловлена необходимостью проверить гарантии, предоставленные узбекскими властями, и исследовать вопрос о гражданстве заявителя. В дополнение к этому Правительство утверждало, что срок содержания под стражей увеличился в связи с применением срочных мер Судом.

116. Правительство утверждало, что жалоба заявителя относительно того, что национальные суды не рассматривали законность его содержания под стражей, была явно необоснованной, поскольку он обжаловал законность своего содержания под стражей, подав кассационную жалобу на решение суда от 27 марта 2008 года в Тюменский областной суд, где в ее удовлетворении было отказано.

117. Заявитель не согласился с Правительством. Он утверждал, что национальное законодательство требовало, чтобы его содержание под стражей для целей экстрадиции было санкционировано национальным судом в течение 48 часов с момента его задержания. Ссылаясь на прецедентное право Суда, он заявлял, что российское законодательство, регулирующее содержание под стражей для целей экстрадиции, не соответствует критериям качества закона, установленным Конвенцией; что длительность его содержания под стражей была чрезмерной, поскольку он провел более девятнадцати месяцев под стражей, в то время как максимальный срок содержания под стражей по национальному законодательству не может превышать восемнадцати месяцев. Далее он подчеркивал, что применение срочных мер Судом приостановило его экстрадицию в Узбекистан, но оно не обязывало российские власти продлевать его содержание под стражей. Заявитель повторял, что его содержание под стражей с 6 по 27 марта 2008 года было незаконным, так как оно не было

санкционировано решением суда, и подчеркивал, что во время его задержания разбирательства относительно его российского паспорта еще не были окончены, а вопрос о его гражданстве еще не был разрешен, и что его задержание и содержание под стражей, таким образом, были незаконными изначально.

118. Заявитель далее утверждал, что его жалоба от 14 марта 2008 года на незаконность его содержания под стражей для целей экстрадиции была рассмотрена Калининским районным судом только 1 апреля 2008 года, и в ее удовлетворении было отказано исключительно на том основании, что его содержание под стражей уже было санкционировано Центральным районным судом 27 марта 2008 года. Таким образом, он был лишен возможности обжаловать его содержание под стражей с 6 по 14 марта 2008 года, а национальные суды не соблюли обязательства безотлагательно рассмотреть правомерность содержания под стражей. Наконец, заявитель утверждал, что национальные суды отказались признать его стороной какого-либо соответствующего уголовного производства и оставили его жалобы без рассмотрения (см. параграфы 49-52 выше).

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

119. Суд далее отмечает, что жалобы заявителя по Статье 5 §§ 1 и 4 не являются явно необоснованными в понимании Статьи 35 § 3 Конвенции и не являются неприемлемыми ни по каким иным основаниям. Таким образом, они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо дела

(а) Статья 5 § 1 Конвенции

120. Стороны согласились, что заявитель был заключен под стражу в качестве лица, «против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче», и что его содержание под стражей попадает под действие Статьи 5 § 1 (f). Стороны, однако, не согласны по вопросу, было ли данное содержание под стражей «законным» в понимании Статьи 5 § 1 Конвенции.

121. Суд отмечает, что заявитель был задержан в России в соответствии с постановлением о заключении под стражу, изданным прокуратурой в Узбекистане. Его задержание не было подтверждено российским судом в нарушение положений Статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса, которая требует такого подтверждения,

кроме случаев, когда заключение под стражу было санкционировано судом запрашивающей страны. Таким образом, содержание заявителя под стражей для целей экстрадиции с 6 по 27 марта 2008 года не соответствовало «процедуре, предписанной законом», как того требует Статья 5 § 1.

122. Что касается аргументов Правительства о том, что ситуация была исправлена решением от 27 марта 2008 года, Суд отмечает, что, помимо санкционирования содержания под стражей на эту дату, национальный суд не принял решения и не предпринял иных шагов по обеспечению освобождения заявителя и никаким иным образом не восстановил его нарушенное с 6 по 27 марта 2008 года право на свободу и безопасность.

123. В нескольких своих недавних постановлениях Суд уже устанавливал, что положения российского права, регулирующие содержание под стражей до решения вопроса об экстрадиции, не являются ни четкими, ни предсказуемыми в их применении и не соответствуют стандарту «качества закона», предусмотренному Конвенцией (см., например, дела *Насруллоев против России*, № 656/06, § 72, 11 октября 2007, *Исмоилов против России*, цитированное ранее, § 142, *Mutinov*, цитированное ранее, § 122, и *Худякова против России*, № 13476/04, § 73, 8 января 2009).

124. Суд подтверждает выводы, сделанные в вышеупомянутых делах, и полагает, что в отсутствие ясных правовых положений, устанавливающих процедуру назначения и продления содержания под стражей до решения вопроса об экстрадиции и определяющих сроки такого содержания под стражей, лишение заявителя свободы не было обеспечено адекватными гарантиями от произвола. В частности, Суд отмечает, что решение о заключении под стражу от 27 марта 2008 года не устанавливало каких-либо сроков содержания заявителя под стражей. По закону, регулиющему сроки содержания под стражей (статья 108 Уголовно-процессуального кодекса), срок содержания под стражей при предварительном следствии ограничен двумя месяцами. Судья может продлить этот срок до шести месяцев. Дальнейшее продление допускается судьей только в случае, если лицо обвиняется в тяжких или особо тяжких преступлениях. Однако в данном деле после истечения максимального первоначального срока содержания под стражей в два месяца (статья 109 § 1 Уголовно-процессуального кодекса) суд не продлил срок содержания под стражей. Заявитель содержался под стражей для целей экстрадиции более двух лет. В течение этого периода не было подано ни одного ходатайства о продлении срока его содержания под стражей. Таким образом, национальная система не смогла защитить заявителя от произвольного содержания под стражей, которое не может рассматриваться в качестве «законного» для целей Статьи 5 § 1 Конвенции.

125. Суд также принимает во внимание довод Правительства о том, что во время задержания заявителя и его последующего содержания под стражей с 6 марта 2008 года по 20 апреля 2009 года (см. параграфы 12-17 выше) власти были полностью осведомлены о том факте, что вопрос о его российском гражданстве не был разрешен окончательно и что российское законодательство недвусмысленно исключает экстрадицию российских граждан (см., *mutatis mutandis*, дело *Гарабаев против России*, № 38411/02, § 89, ECHR 2007-VII (извлечения)).

126. Ввиду вышесказанного Суд находит, что содержание заявителя под стражей в указанный период было незаконным и произвольным в нарушение Статьи 5 § 1.

(b) Статья 5 § 4 Конвенции

127. Правительство заявляло, что заявитель воспользовался возможностью обжаловать незаконность своего содержания под стражей, подав кассационную жалобу на решение суда от 27 марта 2008 года, которая была оставлена без удовлетворения Тюменским областным судом 6 мая 2008 года.

128. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей для целей экстрадиции ни разу не было рассмотрено судом, несмотря на его многочисленные жалобы. Он, таким образом, не имел возможности получить судебный контроль его содержания под стражей для целей экстрадиции в нарушение Статьи 5 § 4.

129. Суд повторяет, что целью Статьи 5 § 4 является обеспечение лицам, которые арестованы или заключены под стражу, права на судебный контроль за законностью меры пресечения, которой они подверглись (см. дело *Де Вильде, Уумс и Версин против Бельгии*, 18 июня 1971, § 76, Series A no. 12). Средство правовой защиты должно быть доступно во время содержания лица под стражей, чтобы позволить этому лицу получить безотлагательный судебный контроль за законностью содержания под стражей, способный привести, в случае необходимости, к освобождению. Доступность средства правовой защиты предполагает, в частности, что обстоятельства, добровольно созданные властями, должны давать заявителям реальную возможность использования средства правовой защиты (см. дело *Чонка против Бельгии*, № 51564/99, § 46 и 55, ECHR 2002-I).

130. Заявитель был задержан в России на основании постановления о заключении под стражу, вынесенного прокуратурой в Узбекистане. Как Суд установил ранее, задержание заявителя не было санкционировано российским судом в нарушение соответствующих национальных положений. Тюменский областной суд и впоследствии Верховный Суд не рассмотрели жалобы относительно законности содержания заявителя под стражей для целей экстрадиции (см. параграфы 44 и 48 выше). Таким образом, законность содержания

заявителя под стражей в указанный период не была рассмотрена ни одним судом, несмотря на его соответствующие жалобы.

131. Таким образом, имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции ввиду отсутствия судебного контроля за содержанием заявителя под стражей в целях экстрадиции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

132. Заявитель утверждал, что ему не были доступны эффективные средства правовой защиты от вышеназванных нарушений. Он ссылаясь на Статью 13, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Доводы сторон

133. Правительство утверждало, что заявитель имел доступ к национальным судам в отношении своих жалоб о риске жестокого обращения. Он обжаловал решение об экстрадиции в Тюменский областной суд и впоследствии в Верховный Суд. Оно утверждало, что данное средство правовой защиты было эффективным, а отсутствие желаемого исхода рассмотрения жалоб заявителя не свидетельствует о его неэффективности.

134. Заявитель повторил доводы своей жалобы.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

135. Суд далее отмечает, что жалоба заявителя по Статье 13 не является явно необоснованной в понимании Статьи 35 § 3 Конвенции и не является неприемлемой ни по каким иным основаниям. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

136. Суд отмечает, что обязанности Государства по Статье 13 варьируются в зависимости от природы жалобы заявителя по Конвенции. Учитывая необратимую природу вреда, который может быть причинен в случае реализации предполагаемого риска пыток и жестокого обращения, и важность, которую Суд придает Статье 3, понятие эффективного средства правовой защиты по Статье 13

предусматривает (i) независимое и тщательное исследование заявления о том, что есть веские основания полагать, что существует реальный риск обращения, противоречащего Статье 3, в случае выдачи заявителя в страну назначения, и (ii) обеспечение эффективной возможности приостановки исполнения мер, последствия которых потенциально необратимы (или «средства правовой защиты с автоматическим приостанавливающим действием», как было сказано в деле *Гебремедин [Габерамедин] против Франции*, № 25389/05, § 66 *in fine*, ECHR 2007-V, которое касалось просителя убежища, желавшего попасть на территорию Франции; см. также дела *Ябари против Турции*, № 40035/98, § 50, ECHR 2000-VIII; *Шамаев и другие*, цитированное ранее, § 460; *Олекеа Кахаус против Испании*, № 24668/03, § 35, ECHR 2006-X; и *Салах Шикх против Голландии*, № 1948/04, § 154, ECHR 2007-I (извлечения)).

137. Процедура судебного контроля, в принципе, представляет собой эффективное средство правовой защиты по смыслу Статьи 13 Конвенции в отношении жалоб в контексте высылки и экстрадиции при условии, что суды могут эффективно контролировать законность применения полномочий исполнительной власти по материально-правовым и процессуальным основаниям и отменять решения в случае необходимости (см. дело *Сливенко против Латвии* (реш.) [БП], № 48321/99, § 99, ECHR 2002-II). Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд отмечает, что решение Генерального прокурора об экстрадиции заявителя было оставлено в силе Тюменским областным судом и Верховным Судом. В своих решениях национальные суды не провели детального исследования утверждений заявителя о риске жестокого обращения в Узбекистане и лишь сослались в общих чертах на гарантии, предоставленные узбекскими властями (см. параграфы 28 и 31 выше). В результате суды не провели тщательного исследования жалоб заявителя о риске жестокого обращения в случае его экстрадиции в Узбекистан.

138. Необходимо отметить, что Правительство не сослалось ни на одну норму национального законодательства, которая могла бы предоставить возмещение в ситуации заявителя или имела бы приостанавливающий эффект в отношении его экстрадиции (см., *mutatis mutandis*, дело *Муминов*, цитированное ранее, §§ 102-104).

139. Следовательно, Суд приходит к выводу, что в обстоятельствах настоящего дела имело место нарушение Статьи 13 Конвенции, поскольку заявителю не было предоставлено эффективного и доступного средства правовой защиты в отношении его жалобы по Статье 3 Конвенции.

140. Что касается жалобы заявителя по Статье 5 Конвенции, в свете установленного прецедентного права Суда, указывающего, что более специальные гарантии Статьи 5, будучи *lex specialis* по отношению к

Статье 13, поглощают ее требования (см. дело *Димитров против Болгарии* (реш.), № 55861/00, 9 мая 2006), и ввиду его ранее сделанных выводов о нарушении Статьи 5 Конвенции, Суд считает, что не возникает отдельного предмета спора в отношении Статьи 13 в совокупности со Статьей 5 Конвенции при обстоятельствах данного дела.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

141. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

142. Заявитель требовал 20 000 евро (EUR) в части компенсации нематериального вреда.

143. Правительство утверждало, что запрошенная сумма была чрезмерной, и что если Суд найдет какие-либо нарушения Конвенции, то сумма компенсации должна быть уменьшена.

144. Суд, производя оценку на справедливой основе, присуждает выплатить заявителю EUR 20 000 за нематериальный вред, как было заявлено, а также любые налоги, которые могут быть взысканы с данной суммы.

B. Издержки и расходы

145. Ссылаясь на договоры об оплате и отчеты юристов о затратах времени на выполнение работ, заявитель требовал EUR 3 700 или 3 329 фунтов стерлингов (GBP) за работу юристов г-на У. Бауринга и г-жи Дж. Эванс в Лондоне, включая административные расходы и оплату переводов, и EUR 2 000 за работу г-жи Рябининой по представительству в национальных органах и перед Судом.

146. Правительство утверждало, что заявитель не представил никаких доказательств того, что оплата действительно была осуществлена и что суммы были разумны.

147. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявителю причитается возмещение издержек и расходов только в том случае, если будет показано, что они были действительно понесены, а также необходимы и разумны по своим размерам. В настоящем деле,

учитывая представленные документы и вышеназванные критерии, Суд считает разумным присудить сумму EUR 5 500 в качестве возмещения всех заявленных издержек.

С. Проценты за просроченный платеж

148. Суд считает уместным, чтобы проценты за просрочку платежа исчислялись из расчета кредитной ставки Европейского Центрального Банка, к которому должны быть добавлены три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что в случае исполнения решения об экстрадиции заявителя, будет нарушена Статья 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 13 в совокупности со Статьей 3 Конвенции;
6. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать предполагаемое нарушение Статьи 13 в совокупности со Статьей 5 Конвенции;
7. *Постановляет*,
 - (а) что Государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с момента вступления данного решения в законную силу в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции:
 - (i) EUR 20 000 (двадцать тысяч евро), плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве компенсации нематериального ущерба;
 - (ii) EUR 5 500 (пять тысяч пятьсот евро) в качестве возмещения издержек и расходов, которые необходимо конвертировать в фунты стерлингов по ставке, действующей на дату оплаты, и перечислить на банковские счета в Лондоне, указанные заявителем;

(b) что с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до осуществления выплаты должны выплачиваться простые проценты на вышеуказанную сумму по курсу равному минимальной кредитной ставке Европейского Центрального Банка за период задержки выплаты плюс три процентных пункта;

8. *Отклоняет* остальные требования заявителя по справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке и доведено до общего сведения 8 июля 2010 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен
Секретарь

Христос Розакис
Президент